

УДК 342:050

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.69>

Государственная деятельность М. М. Сперанского в новейшей российской научной журнальной периодике: взгляды и оценки

В. Н. Казарин*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрены оценки государственной деятельности политического деятеля, крупного реформатора в императорской России М. М. Сперанского, данные современными исследователями. Проанализированы новейшие публикации по этой теме в ведущих отечественных научных журналах за 2017–2021 г. Отмечено, что интерес к государственной деятельности реформатора имеет постоянный и устойчивый характер. Автором исследованы такие аспекты проблемы, как: общие оценки деятельности М. М. Сперанского и основы его политико-правовых взглядов; проекты государственных преобразований и их реализация; роль реформатора в развитии российской юриспруденции; сибирские реформы в освещении современной журнальной периодикой. Подчеркнуто, что интерес исследователей привлекают проекты государственных реформ, особенно появление и деятельность Государственного совета и дальнейшая судьба не только этого института власти, но тех принципов, на которых он возник изначально. Показана роль государственного деятеля в становлении институциональной функции механизма государства. Относительно новым сюжетом является изучение роли Сперанского в становлении финансовой науки, а также основ отечественной юриспруденции и юридического образования в России. Автором обращено внимание на новые аспекты в изучении сибирских реформ М. М. Сперанского, дана их оценка. Сделан вывод о том, что общее количество публикаций по анализируемым вопросам по сравнению, например, с советским периодом значительно возросло: стали изучаться новые проблемы на стыке исторических и юридических наук, шире применяться сравнительный метод и компаративистика в целом как направление исследований. Наряду с этим намечены перспективы дальнейшего изучения темы в связи с новыми объективными условиями развития современного социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, государственная деятельность, публичная власть, Российская империя, отечественная юриспруденция, сибирские реформы, современная научная периодика, историческая наука.

Для цитирования: Казарин В. Н. Государственная деятельность М. М. Сперанского в новейшей российской научной журнальной периодике: взгляды и оценки // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 40. С. 69–90. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.69>

The State Activity of M. M. Speransky in the Latest Russian Journal Scientific Periodicals: Views and Assessments

V. N. Kazarin*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. Approaches and estimates of the state activity of the political figure, the large reformer in imperial Russia M. M. Speransky is considered. The author analyzed the latest publications on this subject in the leading domestic scientific magazines for 2017-2021. It is noted that interest in the state activity of the reformer has constant and steady character. The author investigated such aspects of a problem as: the general estimates of M. M. Speransky and a basis of his political and legal views, projects of the state transformations and their realization, a role of the reformer in development of the Russian law, the Siberian reforms according to the modern journal periodical press. It is emphasized that the interest of researchers is attracted by projects of the state reforms, especially emergence and activity of the State Council and the future not only this power institution, but those principles on which it arose initially. The role of the statesman in formation of institutional function of the mechanism of the state is shown. Rather new plot is studying projects and Speransky's activity in formation of financial science and also fundamentals of domestic law and legal education in Russia. The author paid attention to new aspects in studying the Siberian reforms of M. M. Speransky which study has fruitful historiographic tradition, their assessment is given. The conclusion is drawn that the total number of publications on the analyzed questions, in comparison, for example, with the Soviet period, increased considerably. New problems on a joint historical began to be studied and jurisprudence, to be applied the comparative method and a comparativist in general as the direction of researches more widely. Along with it the prospects of further studying a subject in connection with new objective conditions of development of modern social and humanitarian knowledge are planned.

Keywords: M. M. Speransky, state activity, public power, Russian Empire, domestic law, Siberian reforms, modern scientific periodical press, historical science.

For citation: Kazarin V.N. The State Activity of M.M. Speransky in the Latest Russian Scientific Journal Periodical Press: Views and Assessments. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2022, vol. 40, pp. 69-90. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.69> (in Russian)

Введение

Личность и государственная деятельность М. М. Сперанского, крупного реформатора и видного деятеля в системе публичной власти Российской империи, неизменно привлекала и привлекает внимание исследователей – историков, юристов, политологов, социологов, культурологов и других представителей социально-гуманитарного знания. При этом, как и в отношении любого значительного государственного деятеля, на деятельность Сперанского существуют различные взгляды, а внимание акцентируется на тех или иных аспектах роли и значения личности в историческом процессе и истории политико-правовой мысли. Объясняется это, возможно, следующими причинами: теоретико-методологическими основами социально-политических взглядов исследователей (либеральные, консервативные, классовые и другие подходы); историческим временем появления той или иной оценки; местом и ролью, занимаемой М. М. Сперанским в общей авторской исследовательской конструкции. Следует иметь в виду, что М. М. Сперанский при жизни имел недоброжелателей, оппонентов, скрытых и явных врагов. Вместе с тем он сам, будучи элементом системы публичной власти Российской империи конца XVIII –

первой трети XIX в., играл по тем правилам, для которых было характерным всеми способами бороться за близость к монаршей власти, вступать в различные группировки, неизбежные при дворе, а когда надо, интриговать. Но при этом не опускаться до придворного временщика, а направлять свою деятельность на укрепление государственности в самих ее основах. Дано это далеко не всем из «монаршей/президентской рати» не только в истории России, но и во всемирной истории.

Методология. В основу статьи положены общенаучные принципы объективности, всесторонности, историзма. Методологической базой послужили системно-структурный подход, сравнительно-исторический и сравнительно-юридический методы, а также совокупность общелогических методов. Значимым явился формально-юридический метод, позволивший изучить правовые нормы, закрепляющие функции органов власти, например созданного Государственного совета с его проектом, предложенным М. М. Сперанским. Из эмпирических методов были использованы методы систематизации, классификации, описания. В итоге синтез методов исторической и юридической наук послужил получению нового достоверного знания по исследуемой теме.

Цель и задачи исследования. Цель настоящей публикации – составить интегральную оценку разносторонней государственной деятельности М. М. Сперанского на основе публикаций современных авторов в новейшей научной журнальной периодике.

Личность и масштаб сделанного им на государственной службе оценены, не замалчиваются и не принижаются, как ранее в определенные периоды конкретных историографических ситуаций. В то же время может создаться впечатление, что деятельность реформатора оценивается одинаково положительно или только в превосходных определениях. Но такая констатация указывала бы на «историографический застой» или исчерпанность самой тематики. И первое, и второе само по себе плохо. Исходя из этого, в нашу задачу входят: анализ современного состояния исследования личности и деятельности М. М. Сперанского в системе органов публичной власти Российской империи; изучение истоков его политико-правовых взглядов; оценка проектов преобразований органов государственной власти и управления, а также их претворения в публичную политику; рассмотрение его вклада в развитие отечественной юриспруденции; выявление роли реформатора в формировании законодательной основы сибирских реформ и их реализации. Немаловажно и то, что в 2017 г. отмечалось 245 лет со дня рождения М. М. Сперанского и 195-летие его сибирских реформ. А в этом, 2022 г. исполняются две круглые даты: соответственно 250 и 200 лет этим событиям. Данное обстоятельство в определенной степени также актуализирует изучаемую тему.

Источниковая база. Основой статьи послужили новейшие публикации, а именно за последнее пятилетие (2017–2021 гг.), в центральных и региональных научных журналах: «Вопросы истории», «Государственная власть и местное самоуправление», «Государство и право», «Гуманитарные науки в Сибири», «Журнал российского права», «Известия Иркутского государственного университета (серия «История»)», «История государства и права», «Российская история», «Российский юридический журнал», «Сибирский юридический вестник».

Общие оценки деятельности М. М. Сперанского и основ его политико-правовых взглядов

Итак, как определяют личность самого М. М. Сперанского современные исследователи? Э. В. Краснов (Казанский (Приволжский) федеральный университет) называет М. М. Сперанского в одном ряду с «великими умами своего времени»: Г. Р. Державиным, Н. М. Карамзиным, П. Д. Киселевым, С. А. Муромцевым. Выделяя Сперанского, он характеризует его как одну «из ярчайших и талантливых фигур в отечественной теории государства и права, конституционализме, философии права конца XVIII – начала XIX в.», по достоинству занявшую место «основоположника современной юриспруденции» [23, с. 45]. Другой представитель школы этого федерального университета, О. М. Беляева, определяет М. М. Сперанского как видного государственного деятеля, реформатора, кодификатора, автора проекта государственного преобразования России, инициатора создания Государственного совета и реорганизации министерств [4, с. 28]. С. В. Мироненко (Государственный архив Российской Федерации) оценивает М. М. Сперанского как «одного из самых выдающихся государственных умов того времени» [25, с. 9]. Д. А. Пашенцев (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации) характеризует М. М. Сперанского как «выдающегося правоведа и государственного деятеля» [28, с. 9]. Оригинальный подход к оценке личности М. М. Сперанского отражен в статьях К. С. Бельского (Российский государственный университет правосудия), авторитетного исследователя проблем истории отечественного административного (полицейского) и финансового права. Автор рассматривает финансово-правовые реформы в России в первой половине XIX в. через призму правлений двух императоров. К. С. Бельский не разделяет некоторые негативные отзывы об Александре I как о правителе. По мнению исследователя, император много сделал в области государственного строительства, «особенно в сфере управления финансами». М. М. Сперанского автор описывает как «человека исключительных способностей, причастного ко всем реформам до своей отставки в 1812 г.», явившегося «находкой для всей первой половины XIX в.», «даровитым помощником» Александра I [2, с. 147, 148].

Говоря об отрицательной характеристике, данной императору Николаю I К. Марксом и Ф. Энгельсом как человеку с «кругозором офицера ротного масштаба», К. С. Бельский находит ее весьма далекой от истины. Не соглашается К. С. Бельский и с советским историком Н. М. Дружининым, который писал, что Николай I «предпочитал окружать себя безличными и исполнительными помощниками, которые в холопском подбострастии не осмеливались посягать на его волю»¹. «Неправда! – утверждает современный исследователь и добавляет: – Императора Николая I окружали и помогали в работе умные, талантливые и образованные люди, обладавшие чувством собственного достоинства и не боявшиеся высказывать свое мнение». И первым в этом ряду называет М. М. Сперанского. Этот ряд продолжают другие известные деятели той

¹ Дружинин Н. М. Николай I и его программа // История СССР. М., 1968. Т. 6. С. 259.

эпохи: М. А. Балугьянский, П. Д. Киселев, Е. Ф. Канкрин, Н. П. Уваров, Н. С. Мордвинов и др. [3, с. 221]

Встречаются и короткие, более скромные характеристики М. М. Сперанского и его деятельности. В статье Л. Г. Коноваловой (Алтайский государственный университет) Сперанский представлен «приближенным императорской персоны, видным государственным деятелем» [19, с. 4], а в статье И. М. Лебедева (Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет) Сперанский описывается как государственный политический деятель и родоначальник конституционности [24, с. 12]. Как видим, здесь нет указаний на «крупного, видного, ярчайшего» и других определений государственного деятеля, но отмечен его вклад в становление конституционализма в России.

Может сложиться мнение, что вопрос об истоках политико-правовых воззрений М. М. Сперанского изучен достаточно хорошо. Ведь не случайно укрепилась стойкая традиция искать их в идеях французских просветителей конца XVIII в. Эта традиция продолжена большинством современных исследователей. Например, И. М. Лебедев прямо указывает, что это идеи Вольтера, Д. Дидро, но также Р. Декарта и англичанина Д. Локка. Но наряду с этим влияние на Сперанского оказали и проекты преобразований в начале XIX в., поддержанные самим императором Александром I [24, с. 12], но, как известно, не реализованные. С. В. Мироненко говорит, что проекты преобразований М. М. Сперанского исходили из изучения будущим реформатором «закономерностей всемирной, особенно европейской, истории». Именно доминирующая тенденция перехода от феодального правления к республиканскому, по мнению историка, и привела Сперанского к выводу, что никто не мог противостоять этому процессу. А, признавая общность судеб России и Европы, он признавал у России только один путь – европейский. Отсюда и желание Сперанского другого, нежели в России, «порядка вещей [дел]». И в этом изначальный подход к ограничению монархической российской имперской власти конституцией, что предполагает принцип разделения властей [25, с. 9].

Истоки политической идеологии М. М. Сперанского в первую очередь в воззрениях западноевропейских мыслителей усматривает и О. М. Беляева. Подчеркивая, что российский реформатор владел французским, английским и немецким языками, автор указывает, что, работая над проектом преобразований в России, М. М. Сперанский перевел труды Ш. Монтескье, И. Бентама, Д. Юма, «испытал воздействие Вольтера и французских энциклопедистов». Ссылаясь на «Петербургские письма» посла Сардинии в России, известного французского мыслителя консервативного направления Жозефа де Местра, О. М. Беляева пишет, что последний, встречаясь со Сперанским, характеризовал его как последователя и «великого обожателя» немецкого философа Иммануила Канта. А в 1830 г. Сперанский приезжал в Берлин, где встречался с действующим министром юстиции Пруссии Ф. К. фон Савиньи [4, с. 29], видным представителем исторической школы права. Сам Сперанский, по мнению О. М. Беляевой, был приверженцем именно этой школы права. О влиянии на М. М. Сперанского идей русских мыслителей автор не упоминает. Но это отнюдь не означает, что их не было.

Признавая либеральный характер взглядов М. М. Сперанского, некоторые современные авторы указывают и на преемственность проектов реформатора с предшествующей российской традицией. Идеи того, что сегодня в юридической литературе принято именовать «правовое государство», но, разумеется, в других терминах, что присуще проектам Сперанского, можно обнаружить в русской литературе XVIII в. (И. Т. Посошков «Книга о скудости и богатстве», 1724; С. Е. Десницкий «Представления об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», 1768; наследие А. Н. Радищева и др.) [22, с. 18]. Л. Г. Коновалова в истоках политико-правовых взглядов М. М. Сперанского видит идеи парламентаризма, относя сюда даже проекты «отечественного парламента» при выдвижении на царствование Анны Иоанновны. Этот тезис весьма сомнительный и не раз подвергался справедливой критике в исторической науке. Но предложение государственного деятеля и историка В. Н. Татищева о создании при императорском дворе совещательного совета из 21 члена и «нижнего представительства» в составе 100 представителей дворянского сословия, на что указывает Л. Г. Коновалова, можно отнести к идейным предтечам взглядов Сперанского. Сюда же можно прибавить и подготовленный графом Н. И. Паниным Манифест об учреждении императорского совета и разделении Сената на департаменты, преподнесенный императрице Екатерине II, а также упомянутый ранее труд С. Е. Десницкого. В число идейных предтеч Сперанского автор включает и идеи ярких представителей русской мысли XVIII в.: Н. И. Новикова, И. А. Третьякова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева [19, с. 4], по-разному отмечавших несправедливость современной им социальной действительности.

Проекты государственных преобразований и их реализация

В целом проекты государственных преобразований Российской империи, составленные М. М. Сперанским и доведенные на рассмотрение императору и высшим сановникам государства, хорошо изучены в научной литературе. Исходя из этого, целесообразно выявить, на какие именно аспекты проектов, в какой степени значимости и каким образом применимости в государственном механизме того периода и в будущем обращают внимание современные исследователи.

О. М. Беляева, например, в специальной статье, посвященной анализу проекта государственных реформ М. М. Сперанского, прежде всего определяет его взгляды на государство и право. И это важно, поскольку многие исследователи, не касаясь этого принципиального вопроса, сразу начинали излагать реформаторские взгляды Сперанского. Последний в духе господствовавшей тогда в европейской политико-правовой мысли договорной теории происхождения государства считал, что оно представляет «договор, основанный на соглашениях народа и правительства, в соответствии с которым индивиды передают власти известное количество своих прав: физических сил (они образуют войско), финансовых средств (деньги), уважения (почести)». Право Сперанский определял как «являющаяся результатом общественного соглашения нравственно оправданная мера свободы лица, охраняемая публичной властью». Поэтому он полагал, что естественными могут быть законы, а не права.

Являясь сторонником исторической школы права, русский реформатор полагал, что законодатель должен знать свой народ, чувствовать свое время и «помнить, что каждая страна и каждый век имеют свою физиономию» и поэтому простое заимствование правовых институтов, созданных «духом» другого народа, неэффективно.

Говоря о проекте государственных преобразований, О. М. Беляева на первое место ставит план конституционных реформ, подчеркивая их крайнюю необходимость. «Настоящая система правления несвойственна уже более состоянию общественного духа и... настало время переменить ее и основать новый вещей порядок», – цитирует автор слова М. М. Сперанского в подтверждение своих приоритетов рассмотрения изучаемого вопроса. Проект преобразований предусматривал проведение реформ – государственного строя, законодательства, отмену крепостного права. Законодательная власть должна быть представлена Государственной думой, исполнительная – министрами (правительством), судебная – Сенатом и судами. Четвертая власть – державная – олицетворялась особой императора. По мысли Сперанского, при императоре должен функционировать Государственный совет, соединяющий высшую законодательную, исполнительную и судебную власти. По мнению О. М. Беляевой, в проекте Сперанского не только содержится принцип разделения властей, но и заложена система сдержек и противовесов [4, с. 30–31]. Важно отметить, что такого вывода придерживалось и придерживается большинство исследователей. Но задача состоит в большем. Необходимо рассмотреть, каким образом и в каком объеме была реализована эта основополагающая идея.

Д. А. Пашенцев, специально подробно изучая вопрос о месте и роли Государственного совета Российской империи, также отмечает, что его образование как законосовещательного органа входило в план преобразований Сперанского. Тезис Сперанского о том, что Госсовет должен стать своеобразной прослойкой между императором и иными органами публичной власти, нашел отражение в Манифесте об образовании Государственного совета. Согласно документу, никакой закон «не исходит из Совета и не может иметь своего совершения без утверждения державной власти». На этой констатации многие исследователи и останавливались. Но Д. А. Пашенцев, исследуя деятельность Госсовета, пришел к выводу, что это положение не было реализовано. Более того, разделение властей даже в предложенном Сперанским ограниченном виде введено не было.

Утверждение Д. А. Пашенцева основано на том, что традиционно при изучении Государственного совета основное внимание уделялось его полномочиям и роли в системе органов государственной власти. Современный исследователь подошел к рассмотрению данного вопроса с точки зрения постклассической методологии, в которой главным элементом «конструирования государственно-правовой реальности выступает человек». Исходя из этого, любой государственный орган – это «не застывшая структура, наделенная соответствующими полномочиями и занимающая четко определенное место во властном механизме, а повседневная деятельность конкретных людей по rea-

лизации определенных функций». Проанализировав состав Госсовета Российской империи с 1810 по 1905 г., Д. А. Пашенцев сделал вывод, что это был орган, представляющий высшую элиту государства и не отражавший сословного состава общества того периода. Поэтому в его деятельности «не имелось даже намека на его представительный характер» [27, с. 43–44]. Следовательно, никакой законодательной ветвью власти он не являлся.

Интересен современный взгляд на природу Государственного совета Российской империи Е. С. Алпаткиной (Севастопольский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова). Она исследует преемственность и отличия правового статуса имперского Госсовета и Государственного совета РФ, действующего согласно изменениям, внесенным в Конституцию РФ 1 июля 2020 г. Госсовет, созданный в 1810 г. и являвшийся составной частью программы преобразований М. М. Сперанского, в процессе функционирования уже в 1824 г. отошел от практики принятия решений большинством голосов. С этого времени император мог принять решения единолично или поддержать мнение меньшинства. Но принципы, положенные в основу Госсовета Сперанским, по мнению автора, практически не изменились до современного статуса Госсовета. В Манифесте 1810 г. говорилось: «Дать ему [Государственному Совету] в свое время образование, свойственное публичным установлениям» [1, с. 56]. Сравним: п. е5 ст. 83 Конституции РФ, определяя полномочия Президента РФ, указывает, что он «формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти...»². Таким образом, принципы механизма деятельности современного Госсовета восходят к преобразованиям в государстве, связанным с именем М. М. Сперанского.

Наименее изученным в проектах преобразований М. М. Сперанского, по мнению К. С. Бельского, является план финансовых реформ, изложенный им в докладе-записке, представленной Александру I, и получивший название «План финансов». Даже в новейшей монографии И. Л. Бачило («М. М. Сперанский – патриарх науки управления России». М., 2014) отсутствует глава, посвященная анализу этого плана. Правда, К. С. Бельский указывает, что в исследовательской литературе есть мнение, что «План финансов» был написан Сперанским вместе с М. А. Балугьянским, а некоторые историки «называют в качестве соавторов Н. С. Мордвинова, а также императора Александра I, хорошо разбиравшегося в юриспруденции». Но при этом, подчеркивает К. С. Бельский, «ведущая роль» оставалась за Сперанским. Доклад-записка была составлена в 1809–1810 гг. и, по мнению современного исследователя, была частью Введения к Уложению государственных законов реформатора.

«План финансов» представляет систему финансового права, конкретизирующую и намечающую проект финансово-правовых преобразований, начатый созданием министерства финансов в 1802 г. Но правовой статус министерств Российской империи был закреплен позднее, а именно в манифесте «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г., основа которого была

² Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. М., 2020. С. 31.

разработана также М. М. Сперанским. По инициативе реформатора наряду с Министерством финансов было образовано ведомство финансового контроля, осуществлявшее ревизию (контроль) за поступающими доходами и произведенными расходами государственных и общественных учреждений. Однако государственный контроль, отмечает исследователь, был чисто внешним, поверхностным, проверялись только министерства и управления («как бы себя»). «План финансов» включал несколько элементов, которые были призваны совершенствовать правовые основы финансовой системы империи: эмиссионную систему (регулирование выпуска денежной массы); налоговую систему (повышение как прямых, так и косвенных налогов, в идеале по примеру реформы австрийского императора Иосифа II, следуя которому дворяне должны были уплачивать поземельный налог); бюджетную систему (обсуждение росписи доходов и расходов (бюджета) в Государственном совете и утверждение финансовым актом императора). Предусматривался финансовый контроль, заключающийся в ревизии счетов. Таким образом, «План финансов» предполагал управление финансами, т. е. всеми указанными элементами в едином целом. К. С. Бельский справедливо отмечает, что основные идеи этого плана были реализованы в империи и действовали до 1917 г., а в СССР функционировали под названиями Наркомат государственного контроля, Министерство государственного контроля [2, с. 148, 152].

В прежней, да и в современной, научной литературе слабо представлен вопрос о влиянии проектов М. М. Сперанского на формирование внешнеполитической деятельности Российской империи. Косвенно вопрос затронут в статье Е. С. Третьяковой (Пермский филиал НИУ «Высшая школа экономики»). Автор рассматривает механизм осуществления внешней политики России в XIX в. через характеристику трех его составляющих: функциональной, институциональной и регулятивной. Именно на институциональную составляющую, по мнению исследователя, оказало влияние положение М. М. Сперанского, изложенное им в Руководстве к познанию законов, гласящее, что «власть верховная правит установлениями, ею учрежденными, а установления управляют делами, им вверенными по уставам их и учреждениям» (Руководство к познанию законов, СПб., 2002, С. 70). Практическое воплощение положения выражалось в том, что император формировал органы исполнительной власти, назначал и увольнял должностных лиц, в том числе и в органах внешних сношений. Такая практика приводила как к успехам, так и к проблемам реализации внешней политики государства, в частности к отсутствию оформленной концепции внешней политики, во многом зависимой от личности государя, нестабильности системы органов внешних сношений, размытости их функций, отсутствию системы подготовки кадров дипломатического корпуса (последнее вплоть до 1858 г.) [35, с. 168, 171].

Роли М. М. Сперанского в создании системы подготовки государственных служащих посвящена статья Е. М. Патовой (Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина), которая обращает внимание на то, что Сперанский был одним из первых, кто, понимая необходимость для

успешного функционирования государственного аппарата наличия образованных, грамотных и прогрессивно подготовленных кадров, заложил эти принципы в известный Указ 1809 г. Предоставление свидетельства об учебе в университете или аттестата об успешном прохождении экзаменов по программе университетов стало необходимым условием для получения «классных чинов». Встреченный с возмущениями и враждебностью чиновниками Указ крайне непоследовательно реализовывался на практике, а в 1834 г. был вообще отменен. Эти факты нашли широкое освещение в предшествующей литературе. Но следует согласиться с автором в том, что «критерий и уровень образования не канул в лету и нашел свое отражение в последующих правовых актах» [26, с. 54].

М. М. Сперанский и российская юриспруденция

В обобщающей статье авторов, представляющих ведущие вузы России: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Российский государственный университет правосудия, Российский университет дружбы народов, написанной на английском языке и адресованной международной аудитории, приведены общеизвестные для отечественных исследователей биографические данные о М. М. Сперанском. Наряду с этим важно, какую именно информацию считают обязательным донести до иноязычной аудитории российские авторы, какие акценты они расставят. Авторы обозначают роль Сперанского в составлении проекта государственных преобразований в России, в центре которых идея конституционной монархии, разделения властей. Именно 1808–1811 гг. исследователи считают временем вершины власти и славы Сперанского, когда он фактически стал вторым лицом в публичной власти после императора. Отмечен вклад реформатора в систематизацию российского законодательства, в создание Полного собрания законов и Свода законов Российской империи. Приведена и оценка этого труда императором Николаем I – грандиозная монументальная работа (в английском варианте). По мнению авторов, для иноязычного читателя важно знать, что Сперанский внес несомненный вклад в реформу государственной службы в империи, а также в открытие Императорского училища правоведения для подготовки профессиональных и компетентных юристов [5, с. 257, 259–260].

К. С. Бельский также подчеркивает значение создания Свода законов Российской империи, отмечая и несомненный вклад М. А. Балугьянского. При этом автор обращает внимание на систему норм финансового права, разбросанных по различным томам, но имеющих внутреннюю консолидацию (например, нормы бюджетного права (Т. I); налоговые нормы (Т. V); нормы таможенного права (Т. VI) и др.). В отличие от других ученых, которые особое внимание обращают на значение Свода законов Российской империи в формировании законности в государстве, К. С. Бельский замечает, что Свод законов явился важным шагом «особенно в преподавании юридических наук». После его издания в российских университетах увеличилось количество юридических кафедр. А Университетским уставом 1835 г. в программу юридических

факультетов было включено преподавание законов о государственных повинностях (налогах) и финансах [3, с. 222, 223].

Д. А. Пашенцев, рассматривая периодизацию российской законотворческой традиции, выделяет шесть этапов. Отдельным, третьим этапом автор отмечает период с 1830-х гг. до 23 апреля 1906 г. (до принятия новой редакции Основных государственных законов Российской империи). Именно с издания Свода законов Российской империи, в создании которого была решающая заслуга М. М. Сперанского, ознаменованного Манифестом от 31 января 1833 г., начался этот этап. Почему? Потому что «независимо от свойства его отдельных источников, присвоена была сила закона». Критерием закона мог выступать факт утверждения акта императором с последующим помещением его в текст Свода законов [28, с. 9].

Отмечая несомненные заслуги М. М. Сперанского в издании Полного собрания законов и Свода законов Российской империи, И. М. Лебедев справедливо заключает, что «существовавшие на тот момент законы представляли интересы лишь верхушки общества, а простого народа – вскользь, в основном в сфере тяжких преступлений по отношению к ним». Но вместе с тем следует указать на очень существенный момент, а именно на то, что Сперанский положил начало преобразованию старого русского делового языка в новый, более приемлемого в производстве законов и иных документов [24, с. 14].

Современные исследователи указывают на роль М. М. Сперанского в формировании основных отечественных школ теории государства и права. И. И. Грунтовский (Международный юридический институт) пишет, что в первой четверти XIX в. сложилось три основных политико-правовых течения: либеральная идеология, радикально-революционное и консервативное. Эта констатация не обладает какой-либо новизной в учебной и монографической литературе, но отмеченное автором положение, сложившееся в отечественной исторической литературе, выражавшееся в недостаточной изученности и противоречивости «оценок политико-правовых доктрин Сперанского, западников, славянофилов», привело к тому, что «существовала устойчивая идеологическая тенденция отрицательного отношения к либеральной политико-правовой идеологии России» [6, с. 5]. Что подтверждает необходимость более осмысленного взгляда на Сперанского как на правоведа. Так, Т. А. Желдыбина (Саратовская государственная юридическая академия права) говорит о том, что поступательное развитие дореволюционной юридической науки России явилось одним из факторов, повлиявших на возникновение отечественного науковедения. И в этой связи издание Свода законов Российской империи (несомненная заслуга М. М. Сперанского и его единомышленников), проведение кодификации местного права стоят на первом месте в далее отмеченном научном творчестве целой плеяды известных ученых-специалистов в области общей теории права и философии права, специально-юридических дисциплин (сочинения, журнальные и газетные статьи, полемические выступления, научные дискуссии и диспуты) – все явилось основой для развития юридической науки [15, с. 41].

Следует обратить внимание, что современные исследователи, рассуждая о роли М. М. Сперанского в развитии российской юриспруденции, не только подчеркивают его вклад в создание Полного собрания и Свода законов Российской империи, сюжетов, хорошо и полно изученных в исторической и историко-юридической науке, но также изучили вопрос, например, о влиянии основных идей М. М. Сперанского на некоторые нормы действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) и выявили ряд дискуссионных положений. И. Г. Смирнова (Байкальский государственный университет) и практик А. М. Нагаев (Дума Байкальского МО Иркутской области) проанализировали некоторые идеи реформатора, высказанные им во Введении к Уложению государственных законов, связав их с проблемами современной независимости судебной власти в Российской Федерации. Авторы выделили три базовых положения проекта Сперанского: идеи разделения ветвей власти; разделения тогдашнего российского общества на дворян, «среднее сословие» и «народ рабочий»; реализации идей «природного права». Рассматривая идею разделения властей, они остановились на судебной власти в Российской Федерации: в связи с упразднением Высшего арбитражного суда РФ в 2014 г. остался единый Верховный Суд РФ, что реализовало идею единства процесса. И обсуждение вопроса создания единого процессуального кодекса для рассмотрения гражданско-правовых споров в арбитражных судах и судах общей юрисдикции в доктринальной литературе также говорит об актуальности принципа единства процесса. Значимым представляется авторам и положение М. М. Сперанского о судебной власти, которой следует «дать преимущества видимой свободы, но связать ее на самом деле такими учреждениями, чтобы она в существе своем всегда состояла во власти самодержавной». Именно это, по мнению исследователей, в настоящее время и происходит. Суды накладывают на судей множество ограничений, в частности основания для отвода судей: часть из них разумны, но с другой частью современные авторы готовы поспорить.

Обращаясь к идее «природного права» Сперанского, а именно вопросу предоставления гражданских прав представителям всех трех сословий, а политических прав только представителям первых двух сословий, авторы считают правильным выделение категорий дел по тяжести преступлений («по важности своей», согласно терминологии Сперанского) и по специфике составов преступлений («по качеству лиц преступивших»). Ученые полагают, что последнее нашло отражение в главе 52 УПК РФ «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». Но при этом, по их мнению, дифференциация уголовного судопроизводства не завершена. Не случайно в настоящее время проводится работа над созданием нормативно-правовой базы для особого производства по делам предпринимателей [31, с. 100, 102].

Анализ структуры Свода законов Российской империи позволил современным исследователям сделать заключение об отраслевом принципе законодательства и формировании новых отраслей российского права. В. В. Черных (Восточно-Сибирский институт МВД России), например, усматривает начало консолидированных норм отраслевого законодательства в ч. 1 т. VIII СЗ РИ –

Своде учреждений и уставов лесных (Уставе лесного). При этом, по справедливому замечанию автора, российское лесное законодательство того периода ориентировалось не столько на хозяйственные отношения, сколько «на природоохрану как самостоятельную социальную ценность» [36, с. 21].

Оценен в публикациях последних лет также вклад М. М. Сперанского в развитие юриспруденции как науки и становление отраслей отечественного права. К. С. Бельский обоснованно утверждает, что «План финансов» реформатора явился не только деловым документом, «но и глубоко научной работой и учебным пособием для студентов, изучавших финансы на юридическом факультете», сам же «План», по остроумному замечанию нашего современника, «засвидетельствовал науку финансового права в ее подростковом возрасте» [2, с. 154].

Сибирские реформы М. М. Сперанского и их оценки

В. В. Трепавлов (Институт российской истории РАН), характеризуя отношения публичной власти и автохтонных народов Сибири, приводит утверждения многих востоковедов XIX – начала XX в. о том, что Россия превосходила своих геополитических конкурентов в деле имперского строительства, поскольку русские не страдали расизмом и способны были относиться к этническим меньшинствам как к равным. Ссылаясь на работу Н. В. Цыремпилова «За святую дхарму и белого царя. Российская империя глазами бурятских буддистов XVIII – начала XX века», автор привел слова Николая II: «Я всегда отношусь к бурятам с особым милосердием» [34, с. 4].

В современной научной журнальной периодике уделяется внимание и миссионерской деятельности Русской православной церкви среди сибирских народов. А. А. Дорская (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена), рассматривая этапы правового регулирования этой деятельности начиная со Смутного времени, выделяет комплекс нормативных правовых актов, подготовленных М. М. Сперанским и получивших название сибирских реформ. Автор пишет, что эти реформы позволили включить миссионерскую деятельность в «круг государственных интересов и определить ее четкое место в национальной политике Российской империи». В ходе реализации сибирских реформ были созданы Обдорская, Алтайская и другие миссии. Хотя Обдорская миссия просуществовала всего четыре года и была закрыта (но впоследствии ее деятельность возобновилась), а Алтайская осуществляла свою деятельность с 1830 по 1917 г., А. А. Дорская оценивает миссионерскую деятельность в целом положительно. Применяя теорию конверсии Р. Хортон (1971 г.), она приходит к выводам, что принятие православия сибирскими народами означало укрепление их положения и развитие культуры данного региона Российской империи, несмотря на недовольство этим части местного населения и продолжение использования некоторых языческих обрядов [14, с. 76].

Важно подчеркнуть, что сибирскими реформами, неразрывно связанными с именем М. М. Сперанского, в современный период продолжают плодотворно заниматься такие исследователи, как И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, Т. А. Перцева (Иркутский государственный университет), Б. Ц. Жалсанова (Государственный архив Республики Бурятия), Л. В. Курас (Институт

монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), Н. П. Матханова (Институт истории СО РАН), И. А. Коновалов (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского) [7; 9–11] и др., издавшие в 2017–2021 гг. монографические работы и комментированные сборники документов, преобладающая часть которых была введена в научный оборот впервые. Значительным событием не только в сибирской историографии, но в изучении глобальной темы «Имперский центр и окраины России» стало издание трехтомника избранных трудов Л. М. Дамешека (Иркутск, 2018). Не случайно эти публикации вызвали интерес в журнальной периодике.

В рецензии А. Х. Элрта (Институт истории СО РАН) на трехтомник Л. М. Дамешека отмечено, что в этом издании прослеживается «подлинно комплексный подход к изучению анализируемых проблем: исследование правовых и социокультурных аспектов, соотношения административных реформ и социально-экономического развития региона», а проблемы имперского регионализма в Сибири даны «через призму личности Сперанского и его реформ» [37, с. 114]. В рецензии на монографию [11] тот же автор указал, что только во второй и третьей главах работы дан анализ более 100 законодательных актов, но основой является Устав об управлении инородцев 1822 г., который установил трехступенчатую систему местного самоуправления сибирских инородцев [38, с. 118].

В. Н. Казарин (Иркутский государственный университет) в рецензии на монографию [10] подчеркнул, что авторы убедительно показали роль М. М. Сперанского в создании сибирского свода законов, урегулировавших общественные отношения, которые ранее не регулировались либо регулировались на уровне различных подзаконных актов. Вместе с тем остались не урегулированы отношения субъектов публичной власти [17]. В рецензии на новейшую монографию [9] обозначено, что авторы среди многих вопросов исследовали административные реформы М. М. Сперанского в Сибири, условно говоря, как в широком, так и в узком смысле слова. В последнем случае речь идет об оптимизации управления на примере функционирования Советов Главного управления Западной и Восточной Сибири. Авторами прослежена судьба этого административно-управленческого звена: при отсутствии четкого разграничения полномочий главного должностного лица региона и управленческого аппарата роль Советов постоянно снижалась, постепенно дойдя до минимума, в итоге последние были ликвидированы ввиду того, что необходимость в них отпала [16, с. 112].

Л. М. Дамешек и И. Л. Дамешек, рецензируя монографию И. А. Коновалова [20], обоснованное внимание уделили второй главе, где речь идет о министерских реформах и реформе М. М. Сперанского, в ходе которой сибирские губернаторы реализовывали административно-управленческие функции при помощи полицейского аппарата вплоть до конца XIX в. [8, с. 103, 105]. Обзор современной отечественной историографии об управлении Сибирью, затрагивающий такие вопросы, как: имперские институты в Сибири, административное управление окраиной, управление инородцами, имперский регионализм, начиная с реформ 1822 г. и до конца имперского периода, дан в статье И. Л. Дамешек [7].

Следует также упомянуть, что разносторонняя деятельность М. М. Сперанского в Сибири нашла отражение в нескольких журнальных публикациях, освещающих те аспекты его деятельности, которые ранее не изучались или рассматривались косвенно. Например, М. М. Плотникова (Иркутский государственный университет) проанализировала составы городских дум Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. (на примере Иркутска, Красноярска и Енисейска). Ею отмечено, что в силу малочисленности посадского населения в этих городах сформировать две полноценные думы в соответствии с нормами, установленными в Жалованной грамоте городам 1785 г. (Городовое положение Екатерины II), не удавалось. Реформа М. М. Сперанского 1822 г., учитывая это многолетнее положение, «отменила общие думы для сибирских городов и оптимизировала количество гласных городских дум» [30, с. 26]. Безусловно, эта реформа имела положительное значение, отражала реальные условия сибирской жизни и благоприятно сказалась на городском самоуправлении в отмеченных городах региона. Конкретизация этой темы нашла отражение в другой статье М. М. Плотниковой, в которой прослежена реализация сибирской реформы Сперанского в губернском Иркутске [29].

А. П. Толочко и И. А. Коновалов (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского), проанализировав структуру, полномочия и деятельность губернских правлений в системе управления в Сибири в конце XVIII–XIX в., обосновали тезис о том, что Учреждения для управления губерний Российской империи 1775 г. были распространены на Сибирь без учета ее природно-климатических, демографических и социально-экономических условий. Именно этим они объясняют введение Учреждения для управления Сибирских губерний 1822 г., согласно которому в четырех губерниях и двух областях внедрялась система местного управления, состоявшая из общего и ведомственного. По справедливому замечанию авторов, Учреждение 1822 г. в практике реализации создало «сверхцентрализованную, почти лишенную самоуправленческих начал бюрократическую административно-полицейскую систему власти», которая тем не менее просуществовала до 1895 г. [32, с. 59, 62].

Выше говорилось о роли М. М. Сперанского в формировании системы государственной службы в империи. Л. М. Дамешек и И. Н. Мамкина (Забайкальский государственный университет) обратились к изучению вопроса о генезисе государственной гражданской службы в Сибири в имперский период. Характеризуя Учреждение по управлению Сибири, авторы обратили внимание на то, что оно «закрепляло порядок определения, увольнения, наград и взысканий чиновников, а также особые преимущества по службе в Сибири». Ученые справедливо указали на то, что нормы, устанавливающие материальные и служебные льготы чиновникам, не имели систематизации, а первая инкорпорация этих норм была проведена только в 1832 г. [13, с. 7–8]

Заметно обострился интерес исследователей к изучению вопросов местного самоуправления сибирских народов, о чем частично речь шла выше. Значению Устава 1822 г. в унификации управления народами Сибири при сохранении главенства имперского законодательства на примере степных дум посвящена статья известных исследователей, основанная на привлечении нового

массива архивных источников [12, с. 22–23]. Несомненной новизной обладает статья Т. Г. Карчаевой (Сибирский федеральный университет), где обращено внимание на положения Устава 1822 г. о свободе производственной и торговой деятельности народов Сибири, исходя из которой, Т. Г. Карчаева избрала предметом изучения практически не исследованную тему о роли инородческих органов власти в имущественных отношениях хакасов с 1822 по 1913 г. [18, с. 94].

Выводы

Анализ выбранных в соответствии с изучаемой проблематикой научных статей позволяет сделать вывод о том, что вопросы публичной власти, публичной политики и права, связанные с именем М. М. Сперанского, нашли широкое отражение в научной периодике.

Исследование подтвердило, что интерес к личности и государственной деятельности М. М. Сперанского остается устойчивым и постоянным. Объясняется это не только «юбилейными» публикациями, когда о деятеле или событии вспоминают в связи с очередной круглой датой. Издание монографий, публикации рецензий на них, многочисленных статей, в которых так или иначе рассматривается деятельность российского реформатора, свидетельствуют о масштабе государственных преобразований в России, связанных с его именем. При этом даже изменения в Конституции Российской Федерации, одобренные общенародным голосованием 1 июля 2020 г., а также некоторые новеллы, вносимые в различные кодексы РФ, побуждают обращаться к творческому наследию М. М. Сперанского и опыту реализации его проектов преобразований.

Изучением вышеозначенной проблематики занимаются в основном историки, специализирующиеся в области политической и социальной истории, а также ученые-юристы в области публичного права. Внимание к деятельности М. М. Сперанского проявляют и историки-архивисты, и историографы, и юристы-процессуалисты, а также философы, социологи, культурологи. Даже список упомянутых в статье авторов наглядно подтверждает, что различными аспектами государственной деятельности российского реформатора в настоящее время успешно занимаются ученые практически всех крупных научно-образовательных центров России.

В новейших журнальных публикациях представлено значительно больше подходов к оценке деятельности Сперанского, отличающихся большим разнообразием. Авторы уходят от однозначных клишированных абстрактных формулировок, преобладавших в прошлом. Можно проследить, что каждый исследователь оценивает деятельность Сперанского со своей, авторской, позиции, использует собственную исследовательскую конструкцию, находя для этого новые определения.

Вопрос о том, был ли связан М. М. Сперанский с декабристами, перестал быть главным предметом исследовательского интереса. А ранее об этом была исписана не одна сотня страниц. Например, в серьезной монографии В. А. Томсинова (Московский государственный университет им. М. В. Ломо-

носова), которую отличает живой яркий стиль, этот аспект подробно раскрывается в одной из глав [33]. Возможная причина этого – падение интереса к тайным обществам декабристов, особенно заметное в последние годы, а также пересмотр взглядов на движение и его деятелей.

Внимание современных исследователей по-прежнему привлекают проекты государственных реформ, особенно появление и деятельность Государственного совета и дальнейшая судьба не только этого института власти, но тех принципов, на которых он возник изначально. Более глубоко исследовано влияние реформаторской деятельности, и в особенности кодификационной работы вместе с М. А. Балугьянским, на развитие отечественной юриспруденции и юридического образования в России.

Продолжают быть в центре внимания ученых сибирские реформы М. М. Сперанского, изучение которых имеет плодотворную историографическую традицию. Отмечена долговременность действия законодательных актов, принятых по инициативе и при участии генерал-губернатора Сибири, несмотря на непродолжительное пребывание его в этой должности. В то же время показана сложность их реализации, подчас не на строгих правовых основах, а на основе действий по указанию имперского центра, различных бюрократических согласований и учета соотношения силы и влияния конкретных социально-управленческих общностей. Данная проблематика в той или иной степени рассматривается представителями практически всех научно-образовательных центров Сибири. Так было и ранее. Да, некоторые сюжеты повторяются. Но стали изучаться новые проблемы на стыке исторических и юридических наук, шире применяться сравнительный метод и компаративистика в целом как направление исследований. В то же время можно отметить, что исследователи, занимающиеся региональной проблематикой, не всегда успевают ознакомиться с новейшими статьями исследователей из центральных научных учреждений, а те, в свою очередь, не в полном объеме знакомы с работами, объект изучения которых ограничен конкретными территориальными рамками.

Перспективы дальнейших исследований. Данная публикация не исчерпывает заявленную тему в силу ограничений по объему. Так, в частности, не раскрыто изучение аспектов обозначенной темы исследователями научных школ Санкт-Петербурга, Томска, Екатеринбурга, Улан-Удэ и других, что может стать предметом дальнейших изысканий. При соблюдении условия увеличения источниковой базы и рассмотрении иных аспектов государственной деятельности М. М. Сперанского можно будет полнее оценить уровень ее работанности в современной отечественной журнальной периодике.

И в заключение. На наших глазах формируется совершенно новая объективная реальность [21, с. 58]. Переформатирование геополитических границ, массовые эпидемии, войны в тех регионах, где давно их не было, резкое обострение социальных, политических и финансово-экономических проблем, цифровизация общества и другие, слабо осмысленные еще явления – все это напрямую затрагивает проблемы власти. Традиционные характеристики в социальных науках кардинально трансформируются. Это влечет и поиск новых

подходов к осмыслению привычных понятий, так или иначе связанных с публичной властью. Уже появляются пионерные работы в этой области политологов, историков, юристов-государствоведов, социологов, культурологов. Таким образом, можно полагать, что перед исследователями открываются новые горизонты научного познания.

Список литературы

1. Алпаткина Е. С. Государственный совет Российской Федерации: мифы и реальность // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 55–60.
2. Бельский К. С. Финансово-правовые преобразования в XIX столетии. Финансово-правовые реформы Александра I и «План финансов» М. М. Сперанского // Государство и право. 2020. № 12. С. 146–155.
3. Бельский К. С. Финансы и наука финансового права в правление императора Николая I // Государство и право. 2021. № 10. С. 219–233.
4. Беляева О. М. Проект государственных реформ М. М. Сперанского // История государства и права. 2018. № 3. С. 28–33.
5. М. М. Сперанский и его роль в развитии отечественной юриспруденции / В. В. Гребенников, В. В. Дубровин, В. А. Журавлев, В. С. Каменовская, Д. А. Ширев // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 255–265 (на англ. яз.)
6. Грунтовский И. И. Формирование основных отечественных школ теории государства и права в XIX – начале XX века // История государства и права. 2018. № 10. С. 3–9.
7. Дамешек И. Л. Современная отечественная историография об управлении Сибирью в 1822–1817 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 3. С. 5–11.
8. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. История полиции Азиатской России в новейших сибиреведческих исследованиях // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 33. С. 103–107.
9. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П. «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М. М. Сперанский, Н. Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские губернаторы : монография. Иркутск : Отгиск, 2020. 340 с.
10. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 339 с.
11. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX в.) : монография. Иркутск : Отгиск, 2020. 740 с.
12. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Местное самоуправление бурят в XIX – начале XX в.): от степных дум к волостным управлениям // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 23. С. 22–35.
13. Дамешек Л. М., Мамкина И. Н. Государственная гражданская служба в Сибири: закон и практика (XVIII – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 4–20.
14. Дорская А. А. Правовое регулирование миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в XVII – начале XX в. (на примере народов Сибири) // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 69–79.
15. Желдыбина Т. А. Юридическая наука России XIX в. как предпосылка становления науковедения // История государства и права. 2018. № 11. С. 39–44.
16. Казарин В. Н. История российской государственности в региональном измерении. М. М. Сперанский и Н. Н. Муравьев-Амурский: современная оценка // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 32. С. 109–115.
17. Казарин В. Н. Управление Сибирью в XIX в.: личность и/или система? Новейшие исследования к 195-летию реформ М. М. Сперанского // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2017. Т. 20. С. 106–114.
18. Карчаева Т. Г. Роль инородческих органов власти в имущественных отношениях хакасов в 1822–1913 гг. (исторический аспект) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 29. С. 91–99.

19. Коновалова Л. Г. Зарождение идеи парламентаризма в России на рубеже 18–19 веков // История государства и права. 2019. № 12. С. 3–9.
20. Коновалов И. А. Роль и место общей полиции в системе местного управления Сибири (XVIII – начало XX в.). М. : Мысль, 2020. 311 с.
21. Корнев А. В. Ограничение власти в социальном и виртуальном пространстве (историко-правовой аспект) // История государства и права. 2022. № 2. С. 54–60.
22. Краснов Э. В. Основные принципы правового государства в трудах отечественных ученых XIX века // История государства и права. 2017. № 11. С. 18–20.
23. Краснов Э. В. Принцип разделения властей в трудах М. М. Сперанского // История государства и права. 2019. № 8. С. 45–50.
24. Лебедев И. М. Исторические условия и предпосылки формирования конституционно-правовой концепции М. М. Сперанского // История государства и права. 2017. № 2. С. 11–14.
25. Мироненко С. В. Россия на пути модернизации // Российская история. 2018. № 3. С. 3–18.
26. Патова Е. М. «Классный чин»: содержание понятия и его трансформация в сфере государственной гражданской службы XVIII–XXI вв. // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3. С. 53–56.
27. Пашенцев Д. А. Государственный совет Российской империи: от исторических традиций к современным новациям // Вопросы истории. 2021. № 6 (2). С. 41–46.
28. Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 5–13.
29. Плотникова М. М. Реализация сибирской реформы М. М. Сперанского на практике в губернском Иркутске // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2. С. 20–25.
30. Плотникова М. М. Составы городских дум Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 4. С. 21–27.
31. Смирнова И. Г., Нагаев А. М. От Введения к Уложению государственных законов до УПК РФ: основные идеи М. М. Сперанского // Сибирский юридический вестник. 2021. № 2. С. 99–103.
32. Толочко А. П., Коновалов И. А. Губернские правления в системе управления в Сибири в 1781–1895 гг. (структура, полномочия, деятельность) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 29. С. 57–64.
33. Томсинов В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. М. : Мол. гвардия, 1991. 336 с.
34. Трепавлов В. В. Дипломатия взаимного узнавания: общение администрации и «инородцев» в восточных районах России // Российская история. 2018. № 2. С. 3–12.
35. Третьякова Е. С. Механизм осуществления внешнеполитической деятельности Российской империи в XIX в.: историко-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2018. № 3. С. 165–172.
36. Черных В. В. Лесное законодательство в период правления Николая I // Сибирский юридический вестник. 2020. № 1. С. 15–21.
37. Элерт А. Х. Азиатская Россия в имперских устремлениях правительства XVIII – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 3. С. 113–114.
38. Элерт А. Х. Имперская политика по отношению к бурятскому этносу: от патернализма к унификации управления. Рец. на: Бурятский этнос в имперской стратегии власти (XIX – начало XX в.) : [монография] / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас ; отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск : Отгис, 2020. 740 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 3. С. 118–119.

References

1. Alpatkina E. S. Gosudarstvennyj Sovet Rossijskoj Federacii: mify i realnost [The State Council of the Russian Federation: myths and reality. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [The state power and the local self-rule], 2021, no. 5, pp. 55-60. (in Russian)
2. Belskij K.S. Finansovo-pravovye preobrazovaniya v XIX stoletii. Finansovo-pravovye reformy Aleksandra I i “Plan finansov” M.M. Speranskogo [Financial and legal transformations in the nineteenth century. Financial and legal reforms of Alexander I and the “Plan of Finance” by M.M. Speransky]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 12, pp. 146-155. (in Russian)

3. Belskij K. S. *Finansy i nauka finansovogo prava v pravlenie imperatora Nikolaya I* [Finance and the science of financial law in the reign of Emperor Nicholas I]. *Gosudarstvo i pravo*. [State and Law], 2021, no. 10, pp. 219-233. (in Russian)
4. Belyaeva O.M. *Proekt gosudarstvennyh reform M. M. Speranskogo* [The project of state reforms of M.M. Speransky]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the state and law], 2018, no. 3, pp. 28-33. (in Russian)
5. Grebennikov V.V., Dubrovin V.V., Zhuravlev V.A., Kamenovskaya V.S., Shirev D.A. *M.M. Speranskij i ego rol v razvitii otechestvennoj yurisprudencii* [M.M. Speransky and his role in the development of domestic jurisprudence]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2020, no. 8, pp. 255-265.
6. Gruntovskiy I. I. *Formirovanie osnovnyh otechestvennyh shkol teorii gosudarstva i prava v XIX – nachale XX vekov* [Formation of the main domestic schools of the theory of state and law in the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and Law], 2018, no. 10, pp. 3-9. (in Russian)
7. Dameshek I.L. *Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya ob upravlenii Sibir'yu v 1822-1817 gg.* [A modern domestic historiography about management of Siberia in 1822-1817]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The Humanities Sciences in Siberia], 2019, vol. 26, no. 3, pp. 5-11. (in Russian)
8. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Istoriya policii Aziatskoj Rossii v novejsih sibirevedcheskih issledovaniyah* [The history of police of Asian Russia in the newest Siberian researches]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2020, vol. 33, pp. 103-107. (in Russian)
9. Dameshek L.M., Dameshek I.L., Mathanova N.P. *“Glavnye blyustiteli neprikosnovennosti verhovnyh prav samodержaviya i polzy gosudarstva”: M. M. Speranskij, N. N. Murav'ev-Amurskij i drugie sibirskie gubernatory* [“Main observers of inviolability of the Supreme rights of autocracy and advantage of the state”: M.M. Speransky, N.N. Muravyev-Amursky and other Siberian governors]. Monograph. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, 340 p. (in Russian)
10. Dameshek L.M., Dameshek I.L., Perceva T.A. *Sibirskie reformy M.M. Speranskogo 1822 g.: opyt administrativnogo regulirovaniya interesov centra i regiona* [Siberian reforms of M.M. Speransky of 1822: experience of administrative regulation of interests of the center and region]. Monograph. Irkutsk, IGU Publ., 2017, 339 p. (in Russian)
11. Dameshek L.M., Zhalsanova B.C., Kuras L.V. *Buryatskij etnos v imperskoj sisteme vlasti (XIX – nachalo XX v.)*. [The Buryat ethnos in the imperial system of the power (19th – beginning of the 20th century)]. Monograph. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, 740 pp. (in Russian)
12. Dameshek L.M., Zhalsanova B.C., Kuras L.V. *Mestnoe samoupravlenie buryat v XIX – nachale XX v.): ot stepnyh dum k volostnym upravleniyam* [The local government is drilled at the 19th – beginning of the 20th century): from steppe thoughts to volost managements]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2018, vol. 23, pp. 22-35. (in Russian)
13. Dameshek L. M., Mamkina I. N. *Gosudarstvennaya grazhdanskaya sluzhba v Sibiri: zakon i praktika (XVIII – nachalo XX v.)* [The public civil service in Siberia: the law and practice (18th – the beginning of the 20th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2021, vol. 38, pp. 4-20. (In Russian)
14. Dorskaya A.A. *Pravovoe regulirovanie missionerskoj deyatel'nosti Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v XVII – nachale XX v. (na primere narodov Sibiri)* [Legal regulation of missionary activity of Russian Orthodox Church at the XVII beginning of the 20th century (on the example of the people of Siberia)]. *Zhurnal rossijskogo prava* [The Magazine of Russian law], 2019, no. 11, pp. 69-79. (in Russian)
15. Zheldybina T.A. *Yuridicheskaya nauka Rossii XIX v. kak predposylka stanovleniya naukovedeniya* [Jurisprudence of Russia 19th century as prerequisite of formation of science of science]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2018, no. 11, pp. 39-44. (in Russian)
16. Kazarin V.N. *Istoriya rossijskoj gosudarstvennosti v regionalnom izmerenii. M.M. Speranskij i N.N. Murav'ev-Amurskij: sovremennaya ocenka* [The history of the Russian statehood in regional measurement. M.M. Speransky and N.N. Muravyev-Amursky: modern assessment]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2020, vol. 32, pp. 109-115. (in Russian)

17. Kazarin V.N. Upravlenie Sibir'yu v XIX v.: lichnost i/ili sistema? Novejschie issledovaniya k 195-letiyu reform M. M. Speranskogo [Management of Siberia in the 19th century: personality and/or system? The latest researches to the 195 anniversaries of reforms of M. M. Speransky]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2017, vol. 20, pp. 106-114. (in Russian)
18. Karchaeva T.G. Rol inorodcheskih organov vlasti v imushchestvennyh otnosheniyah hakasov v 1822–1913 gg. (istoricheskij aspekt) [A role of foreign authorities in the property relations of Khakas in 1822-1913 (historical aspect)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2019, vol. 29, pp. 91-99. (in Russian)
19. Konovalova L.G. Zarozhdenie idei parlamentarizma v Rossii na rubezhe 18–19 vekov [Origin of the idea of parliamentarism in Russia at a turn of 18-19 centuries]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2019, no. 12, pp. 3-9. (in Russian)
20. Konovalov I.A. *Rol i mesto obshchej policii v sisteme mestnogo upravleniya Sibiri (XVIII – nachalo XIX v.)* [A role and the place of the general police in the system of local administration of Siberia (18th – the beginning of the 20th century)]. Moscow, Thought Publ., 2020, 311 p. (in Russian)
21. Kornev A.V. Ogranichenie vlasti v social'nom i virtual'nom prostranstve (istoriko-pravovoj aspekt) [Restriction of the power in social and virtual space (historical and legal aspect)]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2022, no. 2, pp. 54-60. (in Russian)
22. Krasnov E.V. Osnovnye principy pravovogo gosudarstva v trudah otechestvennyh uchenykh XIX veka [The basic principles of the constitutional state in works of domestic scientists of the 19th century]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2017, no. 11, pp. 18-20. (in Russian)
23. Krasnov E.V. *Princip razdeleniya vlastej v trudah M.M. Speranskogo* [The principle of division of the authorities in M.M. Speransky's works]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2019, no. 8, pp. 45-50. (in Russian)
24. Lebedev I.M. Istoricheskie usloviya i predposylki formirovaniya konstitucionno-pravovoj koncepcii M. M. Speranskogo [Historical conditions and prerequisites of formation of the constitutional and legal concept of M.M. Speransky]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2017, no. 2, pp. 11-14. (in Russian)
25. Mironenko S.V. Rossiya na puti modernizacii [Russia on the way of modernization]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian history], 2018, no. 3, pp. 3-18. (in Russian)
26. Patova E. M. “Klassnyj chin”: sodержanie ponyatiya i ego transformaciya v sfere gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby XVIII–XXI vv. [“Cool rank”: the maintenance of a concept and its transformation in the sphere of the public civil service of the 18-21st centuries]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [The Government and local government], 2021, no. 3, pp. 53-56. (in Russian)
27. Pashencev D.A. Gosudarstvennyj sovet Rossijskoj imperii: ot istoricheskikh tradicij k sovremennym novacijam [State Council of the Russian Empire: from historical traditions to modern innovations]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2021, no. 6 (2), pp. 41-46. (in Russian)
28. Pashencev D.A. Rossijskaya zakonotvorcheskaya tradiciya: ontologiya processa [Russian legislative tradition: process ontology]. *Zhurnal rossijskogo prava*. [Magazine of Russian law], 2018, no. 8, pp. 5-13. (in Russian)
29. Plotnikova M.M. Realizaciya sibirskoj reformy M.M. Speranskogo na praktike v gubernskom Irkutске [Realization of the Siberian reform of M.M. Speransky in practice in provincial Irkutsk]. *Sibirskij juridicheskij vestnik* [The Siberian legal messenger], 2017, no. 2, pp. 20-25. (in Russian)
30. Plotnikova M.M. Sostavy gorodskih dum Vostochnoj Sibiri v konce XVIII – nachale XIX v. [The structures of City Councils of Eastern Siberia at the end of 18th – the beginning of the 19th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities Sciences in Siberia], 2017, vol. 24, no. 4, pp. 21-27. (in Russian)
31. Smirnova I.G., Nagaev A.M. Ot Vvedeniya k Ulozheniyu gosudarstvennyh zakonov do UPK RF: osnovnye idei M.M. Speranskogo [From Introduction to the Code of the state laws to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: main ideas of M. M. Speransky]. *Sibirskij juridicheskij vestnik* [Siberian legal messenger], 2021, no. 2, pp. 99-103. (in Russian)
32. Tolochko A.P., Konovalov I.A. Gubernskie pravleniya v sisteme upravleniya v Sibiri v 1781–1895 gg. (struktura, polnomochiya, deyatel'nost) [Provincial boards in a control system in Siberia

in 1781-1895 (structure, powers, activity)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2019, vol. 29, pp. 57-64. (in Russian)

33. Tomsinov V.A. *Svetilo rossijskoj byurokratii: Istoricheskiy portret M.M. Speranskogo*. [Star of the Russian bureaucracy: Historical portrait of M.M. Speransky]. Moscow, The young guard Publ., 1991, 336 p. (in Russian)

34. Trepavlov V.V. *Diplomatiya vzaimnogo uznvaniya: obshchenie administracii i "inorodcev" v vostochnyh rajonah Rossii* [Diplomacy of mutual recognition: communication of administration and "foreigners" in the eastern regions of Russia]. *Rossiiskaya Istoriya* [Russian history], 2018, no. 2, pp. 3-12. (in Russian)

35. Tret'yakova E.S. *Mekhanizm osushchestvleniya vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti Rossijskoj imperii v XIX v.: istoriko-pravovoj analiz* [The mechanism of implementation of foreign policy of the Russian Empire in the 19th century: the historical and legal analysis]. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal* [Russian legal magazine], 2018, no. 3, pp. 165-172. (in Russian)

36. Chernyh V.V. *Lesnoe zakonodatel'stvo v period pravleniya Nikolaya I* [The forest legislation in the period of Nicholas I's government]. *Sibirskij juridicheskij vestnik* [The Siberian legal messenger], 2020, no. 1, pp. 15-21. (in Russian)

37. Elert A.H. *Aziatskaya Rossiya v imperskih ustremleniyah pravitel'stva XVIII – nachala XX v.* [Asian Russia in imperial aspirations of the government of 18 – the beginnings of the 20th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities Sciences in Siberia], 2018, vol. 25, no. 3, pp. 113-114. (in Russian)

38. Elert A.H. *Imperskaya politika po otnosheniyu k buryatskomu etnosu: ot paternalizma k unifikacii upravleniya*. Rec. na: Dameshek L.M., Zhalsanova B.C., Kuras L.V. *Buryatskij etnos v imperskoj strategii vlasti (XIX – nachalo XX vv.)*. V. Bazarov [Imperial policy in relation to the Buryat ethnos: from paternalism to unification of management. Rets. on: Dameshek L.M., Zhalsanova B.C., Kuras L.V., Bazarov B.V. (ed.). *The Buryat ethnos in the imperial strategy of the power (19th beginning of the 20th centuries)*. Monograph]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020. 740 p. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The Humanities Sciences in Siberia], 2020, vol. 27, no. 3, pp. 118-119. (in Russian)

Сведения об авторе

Казарин Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Иркутский государственный университет
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: kazarinvik@yandex.ru

Information about the author

Kazarin Victor Nikolayevich
Doctor of Sciences (History), Professor
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 640025,
Russian Federation
e-mail: kazarinvik@yandex.ru